Еще раз о военнопленных в Магнитке

Владимир БАКАНОВ

Вскоре после опубликования очерка «Правда о военнопленных в Магнитогорске» зазвоил домашний телефон. Прорываясь чеез обыденные помехи на линии, доольно бодрый женский голос сообщил готовности рассказать про военнопенных второй плотины.

Несказанно обрадованный возможностью эдробнее узнать о жизни и деятельности агеря и госпиталя военнопленных в этом гдаленном углу Магнитогорска, договариаюсь о встрече. И вот, горя нетерпением, лешу в один из домов цементного завода. дверях однокомнатной «хрущевки» встреют не одна, а две не столь уж пожилые энщины. Оказалось, они сослуживицы по спиталю с момента его организации и аньше. Возрастом они разнились лет на ть (младшей подступал семидесятый год). По каким-то своим соображениям они проли не называть их подлинных имен и фалий. Поэтому, которая постарше, назовем одмилой Петровной, а что помоложе — іександрой Филипповной.

Передаю их рассказ в несколько сокраэнном и обработанном виде.

— Служили мы в армейском госпитале медстрами в Белебее. Наступил 1946 год. Дочивались последние ранбольные. Сотрудки нетерпеливо ждали расформирования спиталя и демобилизации. Мы были военобязанными, потому и призванными...

Госпиталь потихоньку сворачивал свое зяйство, как вдруг пришло распоряжение редислоцироваться в город Магнитогорск. чему? Зачем? Молчок... Начальство, наэное, знало, но держало в тайне.

— Отобрали нас человек двадцать холосх сестер, несколько врачей — и команда елона готова. Возглавил ее начальник госталя военврач майор Мишутов.

Эшелон — это если громко сказать. Всего вагона: два с медикаментами и медицим оборудованием, самым необходимым, етий — под людей. Мы рассуждали меж собой, что едем в какую-то глушь, если в манду включили даже библиотекаря...

До Магнитогорска бывший военный госпиль № 1744 тащился дней десять. Полдня остоял на станции, а потом, подцепленй басовитой вертушкой, покатил вокруг эода, мимо известковых и песчаных карьов и ткнулся в шпальную загородку одикого тупика.

— Мы все повыскакивали из вагона и с тересом вертели головами во все сторо. Глаза останавливались на близких и льних холмах, покрытых буйной зеленью, ленточных блестках воды — слева, на роком пруде прямо перед нами, а дальше на многоцветной стене Уральских гор с обами вершин.

Нас встречали человек пять военных. Поворив с ними, начальник госпиталя подол к нам и скомандовал: «Построиться!» е-как вытянулись в неровную линию. Воврач объявил: «Сейчас товарищ из НКВД жет о цели нашего приезда и поставит дачу.» Военный в звании капитана встал дом с начальником госпиталя и произнес:

— Нам вместе с вами поручено ответственэ государственное дело — поднять на и больных военнопленных, находящихся Магнитогорске и в Челябинской области. э — немцы и их бывшие пособники: венгавстрийцы, румыны и военные других циональностей. Мы должны показать бывм врагам, что Советский Союз, наш народ мстит врагам, павшим на колени, а поювечески помогает больным укрепить эровье и вернуться домой друзьями най страны. О своей работе вы должны моль и сегодня же дадите подписку о неразшении...

Все в недоумении молчали. О чем только передумали за дорогу, но что придется отать на фашистов — проклятых «фри» — не додумались. Вот, оказывается, в заключалась «великая тайна», заставив нас, не противясь, покинуть родной Беей! Это к слову. А на самом деле, если и знали истину, никто бы из нас не сотивлялся. Служба есть служба. Только до сих пор не поймем, какую тайну дерли мы в своих руках, вырывая пленных из крайней дистрофии, тяжелых форм туберэза, других заболеваний, чтобы поста их в строй друзей или врагов наших?

Договоримся сразу — оперативная работа только среди военнопленных, но и сотрудов госпиталя была на высоком уровне. Не еет кто «чихнуть» в одном конце зоны, на другом конце уже знают: кто, где и ему. Никто никому не доверял, кроме зких подруг и с оглядкой: не растопыри ли где уши-локаторы? Не столько трудсколько неприятно и обидно работать в эй обстановке. Впрочем, может быть, пому в госпитале не было ЧП, за исключем двух случаев, о которых чуть позже.

Под госпиталь нам отвели несколько поэек, кажется, бывшего летного училив стадии растаскивания. Один из барастали кое-как приспосабливать под жисотрудников. Сами плотничали, слесаристекольничали, пока не прислали первую гаду военнопленных-ремонтников. Они были первыми в открывающемся рядом эрном отделении № 24...

Лагерь и госпиталь стояли бок о бок, чезабор. Командовали лагерем офицеры: сначала — Емельянов, потом — Елдошенко. А в госпитале через какое-то время майора Мишутова сменил подполковник Шляпников — заслуженный военврач. Госпиталь получил номер 5921. Основные помещения его состояли из 4-х двухэтажных бараков. В одном жили сотрудники, в другом — размещались штаб, бухгалтерия и склад, в третьем и четвертом — больные. Этот блок делился на три отделения:

1. Тяжелобольные по всем видам заболеваний и дистрофики — 100-150 человек.

2. Выздоравливающие (они уже выполняли работы в зоне и на огородах по 3-4 часа, их тоже было по 100-150 человек.

3. Обслуга. Специалисты и разнорабочие. Самое большое отделение, в котором временами насчитывалось до 350 человек.

В этом отделении все время работала Людмила Петровна старшей сестрой.

Основной лечащий персонал составляли сами военнопленные: 18 врачей и около сорока санитаров. Русские врачи и сестры выполняли функции контролеров, консультантов и материально ответственных лиц за все виды довольствия.

— Из русских врачей запомнился Бобров. Старый и опытный врач, он страдал недугом, ныне побороввшим многих, — алкоголизмом. Без дозы спиртного не в состоянии был трудиться. Поэтому начальник госпиталя распорядился выдавать ему в день 50 граммов спирта.

Вспоминается высокого класса рентгенолог Радзион. После ликвидации госпиталя он долго трудился в Правобережной поликлинике и пользовался огромным авторитетом у больных и уважением врачей. Русские врачи обслуживали, кроме госпиталя, лагерное отделение. В самом же госпитале все лечебные функции выполняли пленные. Справлялись они с этим неплохо...

Александра Филипповна работала диетсестрой. Она отвечала за соблюдение норм питания, за закладку продуктов в варочные котлы, за продовольственные склады. Работать приходилось много, поскольку больные делились на три категории и кормились по разным нормам. Для тяжело больных — усиленное, для выздоравливающих — средняя (между усиленным и общим), и третья — для здоровых. В рационе питания обязательно были: картофель, овощи, мясо, животное и растительное масла, рыба свежая, сельдь, хлеб сахар, кофе — любимый немцами напиток, или чай.

На первых порах диетсестру донимали «оперы». То ли по недоверию, то ли по сигналам «доброжелателей» часто, даже среди ночи, устраивали внезапные проверки складов, закладок в котлы. Потом убедились в честности сотрудницы — и поотстали.

Благодаря обслуге, территория зоны и все помещения содержались в идеальном порядке и чистоте. На что уж строгим был последний начальник — и тот не находил, к чему придраться...

В обслуге содержались 18 интернированных немок. Молодые и здоровые женщины. Только две из них выбивались из среднего возраста: девочка лет 14-ти и старушка за 50 лет.

Эта девочка по имени, кажется, Марта и юноша Вальтер — он тоже из интернированных — работали на кухне. Они по-хорошему дружили (о чем знали все немцы и сотрудники) и не мешали. Для всех они были детьми. Домой уехали вместе...

Однажды оперативники просмотрели. Мы стали замечать, что одна молодая немка, Гертруда по имени, полнеет животом. Через положенное время родилась девочка. В ней стали узнавать одного хорошего врача-немца. Обошлось это ЧП без осложнений для начальства...

Все немцы опекали молодую маму и ее дочь: приносили лакомое, игрушки-поделки. Сотрудники тоже не оставались безучастными.

Взаимоотношения между пленными были ровные. Сказывались, как думается, общая образованность (почти все немцы имели среднее и высшее образование), а скорее умение подчиняться старшим по званию и должности.

— Помнится, в числе первых больных привезли к нам немецкого генерала. Надменный, гордый, одетый всегда с иголочки, отутюженный. Его официально обслуживали два адъютанта, поддерживали под руки, сдували пылинки. Начальник госпиталя не имел таких привилегий...

Бригадир обслуги Виктор (так звали его по-русски) всегда ходил с тросточкой. Чуть что — он ею по спинам, как палкой. На требования сотрудников «Прекратить!» — зло оправдывался: «Они рвались в Россию, вот пусть и получают для ума!..»

— Запомнился конфликт, произошедший в столовой на моих глазах, — говорит Александра Филипповна. — Имена обоих — Фриц. Не сошлись Фрицы по отношению к винегрету. Один, резко отодвигая тарелку с горкой вишневого от свеклы винегрета, нервозно произнес: «Что за скотская еда?! В нашем хозяйстве такой бурдой свиней кормили!..»

Отец этого Фрица был зажиточным хозяином. Другой Фриц — из рабочих — возразил ему: «Зато мы, рабочие, только и питались бурдой из вашего свиного корыта. Русский винегрет есть можно!..»

В ход пошли кулаки. Рабочий Фриц оказался сильнее...

Потом Александра Филипповна спросила победителя: «Не боитесь, что дома он вам отомстит?..» — «Нет, не боюсь. Мы разъедемся в разные стороны: он — в Западную, а я останусь в Восточной».

— Живы ли они сегодня? Помнят ли русский винегрет?..

В культурном отношении пленные жили неплохо. Кино, концерты самодеятельности, струнный оркестр, танцы. Все проходило на довольно высоком уровне. Сотрудники охотно посещали эти мероприятия. Они почти не выезжали в город и ждали концерт или танцы, как доброго праздника.

— Сотрудники уважительно относились к пленным. Мы не унижали, не оскорбляли своих подопечных. Они это ценили и отвечали, кажется, искренней взаимностью. Несмотря на то, что большинство сотрудников составляли женщины, у нас не было повода обижаться на их поведение. Все мы ночами дежурили в отделениях и никогда не думали о своей безопасности.

Кинопередвижка на колесах.

Правда, в конце, перед ликвидацией госпиталя, к нам привезли несколько десятков эсэсовцев, как в «отстойник». Недовольные, они смотрели на все хмуро, исподлобья. Было отчего: других отправляли домой, а их — снова в лагерь. Тогда страшились ночных дежурств в одиночку. К тому же оперативники предупредили: быть осторожными, а то в одном из челябинских лагерей эсэсовцы повесили дежурную медсестру...

Тогда-то произошло одно из ЧП: два эсэсовца бежали из госпиталя. Правда, их тут же задержали в городе. Оказывается, беглецы «хотели посмотреть завод. Побывать рядом с гигантом металлургии Советского Союза и не увидеть его — дома не поверят».

В конце 1949 года госпиталь ликвидировали, а годом раньше — лагерное отделение. Немцы с нетерпением ждали 1950 год. Они все гадали: выполнит Сталин обещание освободить всех военнопленных в 1950 году или нет?

— Не помним, когда и по какому случаю сказал об этом генсек, но такое заявление было и немцы спрашивали нас и друг друга: «А Сталин обычно сдерживает слово?..» Мы успокаивали: «Сдерживает... сдержит!..»

После ликвидации госпиталя Людмила Петровна и Александра Филипповна остались в Магнитогорске, обзавелись семьями и много лет работали в медицинских учреждениях города. Труд их отмечен благодарностью больных, поощрениями и наградами администрации и правительства.

О своей работе в госпитале военнопленных они говорят с застарелым чувством досады, как о потерянном для квалификации времени. Да и психологически они не перестроились. Насмотревшись на ранения и страдания своих воинов в Белебеевском госпитале, работали с военнопленными только в силу служебного долга.

— Мы не разделяем и большого сочувствия к «бедным фрицам», и не хотим преклоняться перед их могилами во всепрощенческом порыве.

И еще сказали женщины о том, чего я не знал или накрепко запамятовал. Оказывается, помещения лагерного отделения № 21 на Правм берегу — бывший филиал ИТК — вновь вернулся к хозяину. Женщины еще несколько лет видели мрачные колонны осужденных, проходивших по улицам мимо их домов на работу и с работу, пока железобетонная плита новостройки эти помещения не втоптала в землю...